

Вокруг царила мертвая тишина. Мужчина, прижатый к кровати, полуобнаженный, с видом, приглашающим к ласкам, источал дурманящую чувственность.

Взору Бай Сяо предстало истинно мужское тело — крепкое, подтянутое, с кожей цвета светлого загара. Красавец. Однако именно этот вид заставил голову Бай Сяо, до того пылавшую от возбуждения, мгновенно остыть. За тридцать с лишним лет жизни у него было всего несколько любовников, и ни один, даже самый прекрасный мужчина, не вызывал в нем подобного отклика.

Но внизу всё еще пульсировала болезненная твердость. Душевное неудовлетворение в сочетании с физической жадой разрывали его, словно лед и пламя. Кровные узы и общественная мораль не позволяли ему втягивать сына в свои порочные желания, но в голове неотступно всплывал образ: сын, лежащий на полу, разорванная рубашка, нежная белая кожа и эти глаза цвета спелого винограда, светящиеся упрямством и яростью. От этих мыслей возбуждение стало лишь сильнее.

Глубоко вздохнув, Бай Сяо силой воли подавил порыв. Он уже собирался отпустить Юй Чияна, как вдруг в этой тишине уловил знакомые шаги.

В его глазах промелькнуло что-то странное, в черных, как смоль, зрачках отразилось безумие борьбы:

— Ложись обратно и кричи!

Что?

Юй Чиян не поверил своим ушам, наблюдая, как Бай Сяо снова наваливается на него, оставляя на шее и ключицах бледные красные следы. Смысл был очевиден: он собирался продолжить то, что начал.

Бай Сяо добавил:

— Кричи правдоподобнее!

Юй Чиян закатил глаза. Будучи опытным человеком, он наконец понял намек. Этот парень хочет, чтобы он имитировал стоны? Да он что, возомнил его мальчиком по вызову из борделя? Раздвинь ноги — раздвинет, кричи — будет кричать?

Бай Сяо слегка прикусил артерию на шее Юй Чияна, словно собираясь прокусить её насквозь, и прошептал удивительно нежным голосом:

— Не испытывай мое терпение.

В этот момент Юй Чиян вспомнил про пистолет у изголовья, но было поздно. Холод металла, ощутимый у поясницы, недвусмысленно говорил о том, что у него есть свое оружие, а при

мастерстве Бай Сяо сопротивляться было бессмысленно.

Не имея возможности протестовать, он издал тихий, соблазнительный стон:

— М-м... а-а... м-м-м, ха...

Этот звук заставил человека за дверью, который колебался, входить или нет, невольно сделать шаг вперед. Жуань Мяньмянь, пришедший искать отца, замер, услышав это. Ни один отец не стал бы заниматься подобным при сыне, особенно если учесть, что Жуань Мяньмянь, будучи невинным юношей, даже при всем своем внешнем спокойствии не мог скрыть смущения.

Он сразу понял: что-то не так. Этот голос... мужской? Отец делает это с мужчиной?

Он решительно шагнул вперед, и перед ним предстала крайне откровенная картина. Опоздай он хоть на миг, возможно, увидел бы и сам процесс.

Жуань Мяньмянь ошеломленно смотрел на них. Сейчас Бай Сяо не походил на привычного строгого отца — от него исходила первобытная властность, а в глазах, полных необузданной дикости, светилось нечто пугающее. Бай Сяо, почувствовав взгляд, перевел на него свои глаза, полные густой ярости. Он не отвел взор, а лишь слегка прищурился, пристально изучая сына.

Возможно, из-за этой прямоты, в которой не было ни тени замешательства, показалось, будто это не Бай Сяо застукали за изменой, а самого Жуань Мяньмяня. Его уверенность была настолько непоколебимой, что хотелось спрятаться. Затем взгляд Жуань Мяньмяня упал на мужчину под ним.

Костюм жениха лишь небрежно наброшен, верхняя часть тела обнажена, а бледные следы на коже словно предвещали грядущую бурю.

Но Жуань Мяньмяня поразило не это и не сексуальная ориентация отца, а лицо Юй Чияна. Это был последний человек, которого видел Бай Чжаньцзи перед смертью. Именно он ввел ему огромную дозу метамfetаминa и стимулятора сердечного ритма. В те дни скитаний Бай Чжаньцзи не отказывался от наркотиков, и после его смерти никто не заподозрил бы Юй Чияна, с которым они были совсем не связаны.

После перерождения Жуань Мяньмянь пытался найти в памяти Бай Чжаньцзи хоть какие-то зацепки, касающиеся этого человека, но тщетно. Он помнил лишь последние слова, сказанные тем перед смертью: Интересно, что почувствует Бай Сяо, когда увидит твой труп?

Бай Чжаньцзи до этого момента не знал этого человека и не имел с ним вражды. Значит, причиной убийства могло стать лишь что-то, связанное с Бай Сяо. Гордый наследник семьи киллеров погиб так бесславно. Теперь, по крайней мере, стало ясно одно: этот человек мог быть любовником Бай Сяо.

— Насмотрелся? — видя, как Жуань Мяньмянь не сводит глаз с Юй Чияна, Бай Сяо помрачнел, впитывая в себя каждое выражение лица сына.

Почувствовав давление, Жуань Мяньмянь вздрогнул, колеблясь, что ответить. Постойте, с чего это он оправдывается? Это Бай Сяо ведет себя неподобающе, развлекаясь с любовником на корабле, да еще и с главным героем свадебного банкета! Как сын, он должен был чувствовать себя правым.

Он уже хотел что-то сказать, но Бай Сяо рывкнул:

— Насмотрелся — проваливай!

Действительно, невыносимый мужчина, словно в период менопаузы. Хотя Жуань Мяньмянь так и подумал, он не собирался уступать и, добавив в свой голос властности, холодно усмехнулся:

— Отец, свадьба скоро начнется. Мне сообщить невесте, что церемония задержится? Ах да... впредь лучше закрывать дверь.

Разыгрался настоящий диалог отца и сына — профессиональных киллеров. Они стояли друг напротив друга, их ауры были почти равны. Если бы кто-то еще был здесь, он бы воскликнул: у тигра не рождаются щенки. Но, к сожалению, единственным свидетелем был Юй Чиян, пребывавший в дурном расположении духа.

Когда Жуань Мяньмянь ушел, лицо Бай Сяо стало еще мрачнее, губы сжались в тонкую линию. В его холодных глазах таилось убийственное намерение, от которого бросало в дрожь. Впрочем, Юй Чияна это не касалось.

Его распирало любопытство: кто же этот святой, заставивший Бай Сяо разыграть такой дешевый спектакль? Оказалось, не женщина, а мужчина, да еще и его сын!

Он с иронией заметил:

— Бай Сяо, я думал, ты зверь, но теперь вижу — ты хуже зверя. Неужели ты устроил это представление только ради того, чтобы посмотреть на реакцию сына? Заставил его застукать тебя? Ха-ха-ха, он твой любовник, что ли... эй!

Юй Чиян, смеявшийся на кровати, внезапно замолчал: его шею сжали железные пальцы. Он поднял взгляд на мужчину, чья жажда убийства, казалось, испарилась. Настоящий профи, если хочет убить, даже врага не выдаст своей яростью. Бай Сяо, мастерски владеющий этим искусством, знал сотни способов убрать человека с лица земли незаметно.

Поэтому Юй Чиян больше не смеялся, а лишь рискнул спросить:

— Эй, эй, не будь таким жестоким! Малыш Бай Чжаньцзи знает о твоих грязных мыслях? Нужно ли мне...

Бай Сяо спокойно взглянул на него и тихо произнёс:

— Если не хочешь, чтобы свадьба превратилась в похороны, можешь попробовать.

...

Когда Бай Сяо с Бай Чжаньцзи вошли в банкетный зал, тот сиял роскошью. Под светом гигантских хрустальных люстр представители элиты и деловых кругов сбивались в группы, повсюду слышался смех и звон бокалов.

Как только появились отец и сын Бай, их тут же окружили.

— Глава клана Бай, мы уж думали, вы не придёте!

— Давно не виделись...

Бай Сяо был молод, возможно, самым молодым среди этих стариков, но никто не обращал на это внимания. Здесь ценились лишь власть и деньги.

Бай Сяо держался непринужденно. Его спокойствие и уверенность были тем, чему Жуань Мяньмянь пока не мог подражать — это был опыт, закаленный годами. Видя, как Бай Сяо отвечает каждому, сохраняя достоинство и властность, вызывающую трепет, несложно было понять, почему прежнего Бай Чжаньцзи не ценили. Рядом с таким выдающимся отцом кто вспомнит о сыне-бездельнике?

Один из гостей привлек внимание Жуань Мяньмяня — это был отец Ян Лю. Он протиснулся сквозь толпу с заискивающей улыбкой:

— Глава Бай, не помните ли вы о помолвке, заключенной много лет назад между вашим сыном и моей дочерью?

Бай Сяо взял бокал, предложенный слугой, и сделал глоток. Задумавшись на мгновение, словно вспоминая, он произнес:

— Это... когда было?

Отец Ян, испугавшись ледяного взгляда, застыл с натянутой улыбкой. Он был в отчаянии: семья вложила всё состояние в автогонки, но не только не заработала, а влезла в огромные долги. Приехав в город А, они надеялись на удачу, но лишь усугубили положение. Вскоре все узнают о крахе семьи Ян, поэтому им нужно было уцепиться за семью Бай как за спасительную соломинку.

Он знал, что глава клана Бай будет здесь, и приложил все усилия, чтобы пробраться внутрь. Увидев застенчивость дочери при упоминании Бай Чжаньцзи, он понял: она действительно влюбилась в парня. Ради будущего семьи и счастья дочери он был готов на всё.

Он украдкой посмотрел на юношу: Бай Чжанынцзи совсем не походил на избалованного повесу, о котором ходили слухи. Напротив, от него веяло холодом, как от самого Бай Сяо. Если такой человек — бездельник, то кто тогда его собственные сыновья? Мусор?

Окружающие, видя реакцию Бай Сяо, начали шептаться. Никто, кроме двух семей, не знал о помолвке. Видя равнодушие Бай Сяо, люди смотрели на отца Ян с презрением: неужели он пытается примазаться к богачам?

Жуань Мяньмянь осмотрел зал: Ян Лю не было. Похоже, семью Ян здесь не признавали. Что ж, тем лучше — уничтожить их будет несложно. Хотя его главной задачей было покорить Бай Сяо и перестать быть девственником, он не отказался бы и от других трофеев.

Его характер становился всё более безжалостным. Его душа словно раскололась: одна половина оставалась прежней, доброй, а другая полностью почернела.

— Э-это было несколько лет назад, на берегу реки Даси... — отец Ян, смущенный насмешками, не обращая внимания на то, что Бай Сяо явно не хочет признавать этот факт, продолжал болтать, пытаясь освежить ему память.

Помолвка была устной. Бай Сяо тогда хотел легализовать бизнес, и брак старшего сына был лучшим способом укрепить позиции. Семья Ян просто подвернулась под руку. Но времена изменились. Если сейчас Чжанынцзи придется жениться... от одной этой мысли у него перехватило дыхание.

Бай Сяо был известен своей холодностью, поэтому никто не заметил странностей в его поведении, кроме Жуань Мяньмяня. Он остро чувствовал опасность: с самого обеда в особняке Бай Сяо словно балансировал на грани ярости.

Гнев промелькнул в глубине глаз Бай Сяо, и он наконец улыбнулся:

— Кажется, что-то такое было. Неужели вы восприняли это как нечто серьезное, господин Ян?

Шутка! Разве можно назвать обещание шуткой?

Окружающие восприняли это иначе: глава Бай просто пошутил, а эти люди из семьи Ян решили, что им всё дозволено.

После того как судьба семьи Ян была решена, интерес к ним угас. Все внимание снова переключилось на отца и сына Бай.

— Господин Ян, это некрасиво с вашей стороны. Такой завидный жених, как молодой господин Бай, нарасхват. Ваша дочь должна быть очень известна, чтобы претендовать на него. Моя дочь тоже неплоха... — в этом кругу всегда находились те, кто хотел выслужиться перед сильными, унижая слабых.

— А у меня дочь учится в музыкальной академии за границей... не желаете ли, господин Бай?

Началась настоящая борьба за зятя. Бай Сяо повернулся и бросил холодный взгляд на Жуань Мяньмяня, отчего того прошиб холодный пот.

Жуань Мяньмянь чувствовал себя несправедливо обиженным: он ничего не сделал, а тема снова перешла на него. До того как он занял это тело, Бай Чжаньцзи не был так популярен, а теперь все наперебой предлагали своих дочерей.

Бай Сяо обвел всех взглядом своих черных, как кристаллы, глаз, и шум мгновенно стих. В его бровях читалась угроза, а улыбка не доходила до глаз:

— Этот брак вполне возможен. Господин Ян, а кого из моих сыновей вы предпочитаете?

Все знали только о старшем сыне, Бай Чжаньцзи. Лишь немногие вспомнили, что есть еще младший, который, по слухам, был умственно отсталым. Но никто не считал его претендентом на наследство. Отец Ян, ухватившись за надежду, воскликнул:

— Конечно, старшего!

Бай Сяо, мягко улыбаясь, спросил Жуань Мяньмяня:

— Я всегда был демократичен. Разве не опрометчиво решать за детей? Чжаньцзи, это касается твоего будущего, что ты скажешь?

Он выглядел как самый понимающий родитель.

Жуань Мяньмянь опешил. Он не ожидал, что Бай Сяо переложит решение на него. Впрочем, после воспоминаний Бай Чжаньцзи он больше не был святошей. Какой смысл перерождаться, если не отвечать на удары? Семья Ян — если бы вы вели себя тихо, я бы вас не тронул, но теперь...

В его глазах, черных, как обсидиан, блеснула искра:

— Господин Ян, я не сторонник насилия, но если кто-то пытается сесть мне на шею, я не спущу этого, верно?

— Да-да, конечно! Кто бы ни расстроил молодого господина Бая, должен быть наказан! — поддакнул отец Ян, ничего не осознавая.

— Даже если я и женюсь, то не на «секонд-хенде». Господин Ян, лучше отведите дочь на обследование!

Вокруг слышались вздохи. Никто не мог поверить в услышанное. С такой репутацией дочь

господина Ян больше никто не возьмет в жены.

— Как это возможно?! — отец Ян побледнел. В глубине души он поверил: Бай Чжаныцзи не стал бы бросаться такими словами. Если это правда, его ждал не только позор, но и крах под давлением семьи Бай. Ян Лю сама недавно узнала об этом и боялась признаться. По сценарию прошлой жизни, отец Ян вскоре выдал бы её замуж за первого встречного, и из-за несчастного брака она выместила бы всю злобу на изгнанном из семьи Бай Чжаныцзи.

Слухи разлетелись мгновенно. Отец и сын Бай больше не обращали внимания на семью Ян. Теперь, с учетом долгов на гонках, у них не было шанса на возрождение.

Они отошли к барной стойке.

— Отец, кто сегодня наша цель? — прошептал Жуань Мяньмянь, надеясь, что Бай Сяо услышит.

— А я говорил, что мы пришли для атаки? — Бай Сяо лениво прислонился к стулу, поставив бокал. Он смотрел на старшего сына с теплотой — его раздражение за весь день наконец улетучилось.

— Тогда... что сегодня? — Бай Чжаныцзи думал, что они пришли убивать, и заранее подготовился.

— Сегодня... — Бай Сяо сделал паузу, любуясь горящими глазами сына, — мы пришли забрать власть.

Морская гегемония. Семья Бай никогда не вмешивалась в это, но сегодня они решили протянуть свои щупальца.

<http://bllate.org/book/20974/2129093>